

Тривиденьевте
Юна Лету

12+

Юна Летц

Привиденьевые

«Автор»

2020

Летц Ю.

Привиденьевые / Ю. Летц — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-06433-1

Дикое и чудесное путешествие по фиговому лесу, который оказывается библейским.

ISBN 978-5-532-06433-1

© Летц Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юна Летц Привиденьевые

Часть I Тот, просак и велосипедист

Что-то принесло его сюда – любопытство. Хотелось стихии, запахов, ночи, колдовства, хотелось спазма и вечности на уровне молекул – получил: лодж в лесу, а вокруг на сотни километров ни единого города. Люди в деревнях голые, едят коз – одну в три года, едят корни маниока, тугой белок, сдобренный ядом: синильная кислота в малых количествах убивает не сразу, но день за днём человек погибает изнутри.

Тут океан в виде реки, вода бурая от спин крокодилов, в воде инфекции и сказки; тысячи лет между ними беззвучная битва. Вечером луна падает своим отражением на кожу воды – космические мурашки на поверхности. Свет плотный, густой – как ощущение или как надежда, почти осязаемое небесное варево.

...Бах встал и ел этот свет, впитывал его всеми клетками своего тела, всей своей историей жизни. Как ядро бесконечного сознания, он стоял там, подлинный первичный бог, и ничто не могло уязвить его, и всё объясняло его, как голос шёпотом: тысячи лет изо дня в день я искал Тебя.

Так бы стоять и расти как лунное дерево, но – человеческое тело: устало, вымерзло. Вернулся в хижину, а в ней – закупоренная темнота: электричество берегут по ночам, генераторы выключены. Хотелось дышать ночью, и он убрал москитный балдахин, убрал волнение и перешёл в сон. И там всё это продолжилось: невесомость и ощущение вечности в чистом виде. Больше нигде этого не осталось – и в людях не осталось, но здесь, в Африке, есть. Жизнь заполняет человека до конца и тут же – смерть, как начало, эмоция, и тут же – больные животы и головы.

Бах спал, а путешествие длилось: судьба искала событие, урок, счастье не могло быть усвоено без несчастья – таковы правила первичных материй. Прилетела свежесть, прилетела не одна, с ней что-то чёрное, мелкое, что-то тонкое, как скрытый смысл. Оно впилося ему в руку, и оттуда понеслась болезнь по крови, и оттуда полезли мировые скорби, воплощённые в вирус. Комариха разбухла, как ёлочный шар, вынула иглу и поплыла по воздуху медленно, словно праздничный дьявол. Ничего нельзя было изменить.

С утра он ещё не знал. Сел за руль и гонялся за химерами по африканским лесам, искал ответы на свои эмоции. Ходил пешком тоже. С утра он ничего не знал, но посвящение уже началось.

Вот он глазами двигался, узнавал природу вещей, шёл на своих ногах, используя тайное знание. Ноги шли путанно, тело моталось из стороны в сторону. Цепляясь за воздух, Бах спускался с холма. Смотрел во все глаза, видел смысловой фон. Это был взрослого цвета лес, продетый сквозь солнечную активность. Мысли надувались в голове и больно давили на виски – приходилось обдумывать, но такая чушь.

– Помнишь, как ловил ему свежих лосей?

Где-то споткнулся, раздробил себе сознание и остался стоять там один, среди прошлого, которое бежало впереди него. Вспомнилось детство, отец, маленький городок. Лосей никто не ловил, но такая присказка. «Наловлю тебе свежих лосей», – отец говорил. К чему это теперь? Снова они – вездесущие незримые члены семьи.

– И здесь со мной.

Как будто вся жизнь в одном моменте сошлась. Африка что-то такое делает с человеком – не объяснить. Спонтанное небо, спутанные волосы дорог. Тут даже шагов нет, хотя он идёт, но даже шагов нет. Когда звуки повторяются достаточно часто, они превращаются в тишину. Новая мысль лопнула тихо, почти безболезненно:

– Не знаю, кто ты, но я конец цепи. Я итог смешиваний, которые люди принимали за собственный путь.

Так он сам говорил ещё недавно. Думал: в нём копится большое. Теперь увидел себя со стороны: подтвердилось. Говорил так: «Всё вокруг занимается тем, что копирует себя, создавая продолжительность, то есть жизнь». Это и есть ответ на все вопросы. Хотя он пока не понял его до конца, только знал.

Тишина уходила понемногу. В листьях шелушились разноцветные ткачики – линияли. Всё было так подробно. Формировалось предвкушение звука, запаха, формировалась привычная реальность. Дошёл до понимания, дошёл до ручья, встал на воду – вымок. По воде не ходят – просто проверил. Суша мягкая, сырая – не готовил никто; потом песок. Шёл же совсем недолго, но уже стемнело, вязкие сумерки по глазам. Вот не зря говорят: Африка – декорации для проворачивания тёмных дел.

Какие-то дела... Так сильно не хватает определённости. Где он находится? Задал вопрос, задал душе геометрические координаты, но интуитивная география молчала. Хотелось бы подключить логику. «Где тут зарядное устройство?» – хотелось бы поднабраться ума. «Где магазин, я бы купил?»

В итоге ничего не нашёл, стоял на поляне, протягивал воздух через сигарету. Потом сел, прислонился к дереву спиной. Такое ощущение, что уснул. Но это был не сон, может, что-то похожее, но не сон. Он оставался в сознании, был неподвижен, но двигался – глаза открыты. Ходил в какой-то длинный тоннель из пустоты. Там на земле сидел Тот в медной шапке. Его завораживающее настроение передавалось мгновенно.

– Кто ты такой?

– Я твоя цель. Найди меня.

– Но зачем?

– Ты должен найти.

– Но – как?

Всё исчезло: и Тот, и лес. Бах висел в воздухе как неоконченная фраза и озирался повсюду, выискивая рот, который его произнёс. Но рта нигде не было, и он продолжал висеть, пока в какой-то момент не выключилась реальность. Он упал в некое затемнённое пространство со стенами, но вовсе не упал. Бах оказался сидящим на стуле в незнакомой комнате, а около него стоял белый человек, похожий на снежного.

– Привет, дружище. Как-то неважно выглядишь.

– Где я?

– Ну вот, приехали. А я говорил, что днём спать вредно, да ещё на такой жаре. Давай, приходи в себя и приступай к дежурству.

Бах потёр глаза и покорно пошёл в соседнюю комнату. Во всём этом было что-то знакомое, но – что? Этого он пока не знал.

* * *

Иногда так бывает, что человек входит в паралич, а выйти из него не может, стоит перед всей этой сложной хитрозавёрнутой машиной жизни и начисто лишается способности действовать. Он не действует, но успешно копирует проверенные судьбы окружающих людей. Ему надо просто пальцем пошевелить, ткнуть им в небо, но он боится залезть в просак, потому что ему кажется, что просак должен быть непременно в небе, иначе, куда бы тогда складывалась радуга

и где бы пропадали самолёты. Просак – это кладовка для отслуживших вещей и явлений, и палец туда совать крайне небезопасно.

Так человек думает. И поэтому он стоит как гора – сначала стоит, а потом лежит как гора. Та самая, которая могла быть ходячей, но ей очень лениво, и она ждёт, руководствуясь крылатыми выражениями, на которых пророк и сам прилетит, если уж такая оказия.

Слышимо:

– Ты растолстел.

– Я полон. Я полон надежд.

Нет, ты просто растолстел, заостенел, сдался. В тебе психические микробы, некоторые грибы, протисты, патогенные демоны – они образуют смирение, но ты не считаешь это инфекцией, ты считаешь это частью своего характера. Ты говоришь:

– Может быть, душа – это тоже микроб?

Ты занимаешься казуистикой, софистикой и всякими искажениями мысли. Всякое утро и ещё перед сном вечером ты запускаешь невидимую волну-руку в клубок мозговых нервов и теребишь размышлениями каждую деталь своего характера, испытывая глазодвигательный, преддверно-улитковый и блуждающий оргазмы, нагоняя на себя мурашки неподдельного ужаса бытия.

– Надо ходить очень осторожно: из людей валяются козни и ловушки...

Чем сильнее теребишь, тем приятней. Это всё, что осталось: вдохновенное заклинание не помогает давно. Измерить отчаяние невозможно, но оно огромно. По улицам анемичные лица, питательный гвалт со всех сторон летит: «Спасите, у меня крылья изо рта не выросли!», и кто-то продолжает биться о границы человеческого, но его не пропускают дальше: слишком малогабаритная атмосфера. И ты смотришь на него с неприязнью: лучше бы сразу разочаровался во всём и не стыдил себя.

Шаг за шагом. Это кафе «Зелёная тоска». Под плетёнными из классического нитя абажурами сидит тело человечества и ест всеми органами из разных тарелок.

– У вас найдутся столики?

– Придётся подождать.

– Ждать, пока освободится эта сомнительная реальность?

...Расторопный официант даёт тебе диво take away, и на этой порции дофамина сознание становится густым как повидло.

Ты, и такие же, как ты, – это они. Посмотри на их медленное тёплое угасание – они и не заметили, как вокруг всё ускорилося: будущее начало сворачиваться, а они продолжали идти размеренным шагом, продолжали смотреть только под ноги, не видя целой дороги. Они шли как обычно, отставая от самих себя.

Эти люди, и их всё устраивает. Люди слушают не себя, а эхо, которое исходит от других. Они видят не себя, но сумму чужих мнений о себе. У них вместо лица – орех. Загадочная душа – удобная проверенная годами маскировка. Консервированная душа ближе к реальности. Избушка – антинаучное пространство. В полях растут чёрные ямы, высаженные дождями прошлой осенью; урожай – глубина. Всем новость: запущен стереотип разрушения национальной идеи, которой никогда не существовало.

Ты не жалеешь об этом. Упакованный комфортом автобуса, мчишься к первому месту силы. Дорога изливается в буш. Лес, город, поворот соединяют два края дороги. Смотришь и видишь, как энергия земли выходит в виде растений, выходит в виде дерева, воды, минералов, нефти. Выходит в виде людей, которые растут из земли как перевёрнутые горизонты.

Так ты путешествуешь. Доходишь до края света. Находишь край света, но не встречаешь себя там. Встречаешь там велосипедиста, который проехал всю Африку с севера на юг. Он не изобретал велосипед, но он ехал на нём по кривой нитке огромного материка, подвешенного к экватору. Он рассказывал, как катился ночью по пустыне на согнутых ногах и писал стихотво-

рение. Потом остановился и начертил его на песке, это было стихотворение о ночной пустыне, и к утру песок проглотил весь текст. На восходе пришлось писать об утренней пустыне, а после обеда – о дневной. Через несколько месяцев у него вышел бы сборник песочных стихотворений, самое честное произведение литературы. Но велосипедист решил повременить с организацией собственной вечности и поехал дальше. Вечность поджидала его при переезде через жилое селение на окраине суши. Одно из племён приняло его за демона, и с тех пор они жгут фигуры велосипедиста, вырезанные из эвкалиптовых стволов.

– А он сам?

– Подожди, ещё не доехал.

На мысе Веры развязно паслись бабуины. Они нападали на автомобили и требовали свой банан, долбясь лохматым кулаком о лобовое стекло. Лица у них были свирепые и топорщился острый зад. Велосипедисту непросто оказалось преодолеть этот участок активной свободы. Но всё же он добрался до края и там узнал от случайного прохожего, что его оплетали ложью из года в год: на самом деле, крайняя южная точка Африки – это другой мыс, где нет туристических развлечений, и по этой причине роль края земли исполняет вот это место, где они есть. «Так же и в жизни: роль реальности выполняет какая-то “туристическая” среда, в которой всё только подражание оригиналу», – подумал велосипедист и умер от грусти на заданную тему. Эту последнюю мысль нашли в его голове при вскрытии.

– И в чём тут мораль?

– Лучше спроси, где тут человек?

А вот он: в пыли, оставленной предметами, ради которых он всю жизнь едет на согнутых ногах по ночной пустыне, в конце путешествия превращаясь в тотемного демона.

...И ты откладываешь великий переход по сухой притче и идёшь искать естественные островки жизни. Там человек как в дерево воткнутая душа. Это же саговое дерево. «На побережье поберегли бы себя». Жилище костров. Неуклюжий туман. Окружающая среда ночью становится чёткой, сверхконтрастной. Колдун настаивает мир на природе, цветке, а потом пьёт это и видит пространство как схему, видит, из чего оно состоит. В лесу – бутылочность. Деревья стоят как вкопанные горлышком вверх. Внутри – странное извивающееся молчание. Это клей настоящего, который люди пьют, чтобы обрести целостность.

– Дайте и мне глоток.

– Это через уши пьют. Заходи и слушай.

* * *

Мир не работал уже несколько дней.

Причина конфуза открывалась при входе на нулевой этаж. На металлической двери висела выжившая из первоначального смысла, корявая и многожды проклятая жильцами табличка «Лифт сломан».

– Нам летать, что ли? – периодически выдавливали дипломаты в зубную щёлку.

Кое-кто оглядывался и искал ангелов-доставщиков за спиной. Другие нервозно замахивались подошвой на ступень и, глотая толстые пузыри обценной лексики, шли по лестнице человеческого унижения – с этажа на этаж по квадратным спиралям хаоса.

Инженер, который отвечал за материально-техническую часть мира, поломку лифта связывал с карой небесной и на вопрос «Когда же починят?» предлагал помолиться. В молодости он был рок-звездой, потом профессором химии, золотильщиком храма, прикладным философом, театральным критиком и, наконец, по дальним коленным связям приехал в Африку, чтобы перевоплотиться в административный экземпляр высшего ранга, иными словами, завхоза. Но то ли хозяйство попало ему чересчур замысловатое, то ли высокая духовность про-

тивилась столь тесному контакту с бытом, – в общем, в посольстве инженера не уважали и гнобили за спиной, считая космическим мутантом.

У инженера была жена, странная инертная женщина с вечно мокрыми волосами. Такое ощущение, что она жила в каком-то особом отсеке мира, где постоянно шёл дождь. Иногда чёрные работяги пытались выследить, куда она ходит, чтобы найти дождь (они хотели перегнуть его на свои огороды), но она всегда замечала слежку, останавливалась и с укором смотрела на шпиона, пристыживая его своим летаргическим взглядом.

Вообще все жители этого мира делились на живчиков, тех, кто был ещё недолго в командировке, и привиденьевых – людей со стеклянными глазами, которые год за годом теряли контрастность, и теперь, чтобы их заметить, приходилось напряжённо всматриваться в пространство. Эти вторые носили такие каменно-ошеломлённые лица, как будто в воду смотрели, и там другие галактики проносились у них перед глазами – внутренний иллюзион, заменяющий сознание.

На деле иначе. Человек был душа в футляре из быта, внутренняя копия текущих событий. Бесцветные, одураченные лёгким счастьем люди-дни. Выеденные изжогой, измученные бездельем, привиденьевые как будто перестали осознавать сами себя, но – у кого ни спросишь, каждый чувствовал себя прекрасно в этих условиях блаженного анабиоза и никаких дефектов у своей жизни не замечал.

Люди ходили по теплице так медленно, словно не хотели обгонять жизнь. Синдром пустой головы плюс эйфорическая аптечка. Некоторые выцветали так сильно, что это уже становилось неприличным. Тогда их вызывали на индивидуальное собрание и немного «подкрашивали» в зависимости от ситуации: давали нагоняй или испытательный срок, во время которого сотрудник обязан был вернуть себе подходящие цвета – лицо от бежевого до экрю, умеренно-розовый нос, глаза можно красные, но органические, без пластика. Если цвета не проявлялись, человека высылали первым же самолётом на все четыре стороны, три из которых были психические блокпосты. После такой поездки большая часть служебных привидений просто рассеивалась в пространстве.

Почему посольство называли «миром», догадаться было несложно: люди, которые тут находились, были прибиты к жилой зоне непреложными истинами правил. Они не могли выходить за территорию без особого разрешения, не могли передвигаться по городу без сопровождения, не могли выезжать дальше тех мест, которые были определены как зоны путешествий, в общем, вся их жизнь происходила на периметре от одной батарейной стены до другой. Кто-то бы подумал – тюрьма, но люди говорили: «Доброе тепло». И действительно, среднестатистический стеклянный глаз видел в этом двухкилометровом патриотическом гнездышке настоящий рай. Здесь было всё, что только нужно простому человеку для роскошного расслабления: теннисный корт, бассейн, футбольная площадка, бильярдная, горемычная (бар), лавочки с загорелыми школьницами, клуб домино и клуб женщин, воплощающих кулинарные амбиции – кто вкуснее запечёт антилопу или наделает колбасок из трепанга, «морского огурца-шмагурца».

И они жили тут, на закрытой территории, скреплённые отчуждением и комфортом. Отчуждение – так никто не говорил, но говорили «спиритизм», потому что то, что они пили, называлось «спирит». И они питали свою судьбу от иллюзий, но в основном питали иллюзии. Им казалось, что самый счастливый билет в жизни уже вытянут и теперь надо просто запрокинуть голову и открыть рот, и сразу же туда польётся мёд и посыплется манна с тамариксовых кустарников. И они открывали рот, и туда действительно вначале шли все эти впечатления, океаны, красно-сиреневые закаты, люди наизнанку, млечный потолок-путь. Всё это падало сначала, а потом уже некуда было толкать: узкие горизонты, и человек начинал отрывивать, потом его тошнило, рвало, и, в конце концов, он терпеть уже не мог все эти чёртовы страны пятого трансцендентного мира.

Так бы было, но так не было. На самом деле, все люди, бывшие частью этой системы, никогда и ни в чём не противились режиму. Даже в мыслях почти никто не позволял себе усомниться в качестве того изумительного клада, на который они все так случайно наткнулись. Их выбрали за терпение и послушность, и теперь им хорошо за это платили: пачки из шкафа впоследствии конвертировались в движимые и недвижимые материальные ценности. И хоть это были обычные средние суммы, рассчитанные для более-менее сносного существования, в условиях замершей жизни они казались золотыми горами, и их блеск проникал в самые глубины мышления, провоцируя единственную общую для всех активность – откладывать и копить.

И никто не видел, как всё ужалось в этом мире. Человек был кол, вбитый в землю, – не вежа, но истукан с потухшим взглядом, по сторонам нитками – оборванные связи с мирозданием, в которое он даже и не метил. Это был кол с искажённой вертикалью, инертное скопление электрических импульсов. Если у некоторых людей события налипали на цель, все пейзажи, и впечатления, и разговоры налипали сразу же на цель, то у других – на пустоту. И жизнь была как клубок без ядра.

Только два человека из всего мира не принадлежали системе. Одним из них была бойкий татарский педагог английской словесности, которая наравне с инженером и его дождливой женой, не сыграет в этой стремительной эпопее никакой роли, кроме участия в общих сценах. Другим таким «свободным» человеком был Бах, свечной бизнесмен с девятого этажа, который сейчас рассказывает эту историю.

* * *

Не было ни намёка на ветер – каменное горячее утро. Бах с тяжёлой головой дошёл до автомобиля, открыл дверь и свалился на раскалённое сиденье. Жёлтый цвет атаковал. Летали назойливые жуколки в глазах. Обезвоживание организма чувствовалось в каждой клетке тела, язык высох и прирос к нёбу – длинный, как к небу прирос. Бах медленно включил зажигание, открутил окно и выехал в потусторонний мир – за тяжёлые металлические ворота посольства.

В пятницу была отходная у главного коменданта, публичный спиритический сеанс, хотели по-чуть «за хорошо долететь», а проснулись в понедельник.

Бах бросил взгляд в сторону кафе с кручёными булками на рисованной витрине, но такая большая спазма выросла в горле – гигант. Отрыжкой бы выдавить гнилое изнутри, но щёлка вместо рта. Тошнота и покаяние. Завтракать передумал и поехал намерением на работу – в цех свечного заводика, где сегодня должны были выплавить новую партию восковых матрёшек.

Непонятно, почему все так ждали этих овальных кукол, но спрос на них среди местных жителей был поразительный, то есть, конечно, не машинами увозили, но покупателей было много. Нашупал телефон в боку, выдрал из кармана (вчера чем-то залил наверное – липко). Разорвал рот, порепетировал голос – неважный, но есть.

– Иса, как там всё? Нарисуй мне в этот раз макет с волосами... (Вот и отрыжка)... Говорю, сделай им волосы вместо этих твоих полу-ис-ламских платков. Да-да, я понимаю... Но сделай, да? Меня сегодня не будет. Присмотри там.

Тело не готово было начать трудовой день. Он повернул влево на развилке и двинулся по набережной. На навесе среди корней деревьев, где добродушный бедняк мастерил музыку (резал барабан из ветки и пел о том, как он режет барабан из ветки), Бах припарковался. Кинул две монеты музыканту: «Пой, но хорошо стереги». Потом он прошёл по голой суше до воды, сел на влажную землю, исписанную рисунками отлива, закрыл глаза и начал глубоко дышать. В правом боку орала израненная печень, сердце топало, желудок крутил свою депрессивную пластинку и только мозг, убажанный мягкими волнами приливающей крови, работал в несколько мощностей.

Мозг перерабатывал настоящее, тащил сюда же будущее и в общую кучу сгружал прошлое. Бах сидел мягкотело на суше и в голове возникали эти эпизоды разных лет. Он вспоминал то время, когда только приехал в Африку. Ему нравилось оставлять машину на набережной и сидеть у воды. Он мог часами слушать эти ритмичные перекачивания грандиозных массивов разумной жидкости.

Четыре года уже прошло, как четыре жизни с тех пор, как он явился сюда по приглашению дальнего родственника, эмигранта какой-то своей собственной волны, который держал в пригороде небольшой свечной заводик и несколько сувенирных магазинов, где продавались свечи-слоны и свечи-женщины, свечи-дома и свечи-просто-свечи. Родственник был толковым бизнесменом, но несколько престарелым, детей не завёл, поэтому остро искал помощника для ведения такого светлого в прямом смысле бизнеса. Бах вспоминал сейчас, что принял это предложение, почти не раздумывая. Ему страшно хотелось попасть в Африку, вляпаться в это самобытное волшебство, изучить языки, заглотить песни, разгадать шифры пустынь и заглянуть в глаза дикому зверю. До этого пару лет он торговал матрасами в задрипанном магазине, успокаивая себя тем, что продаёт сны.

Он без сожаления оставил столицу, которую так и не покорил, так и не понял. Тот город, который издали казался совершенством, оплетённый тоннелями и зеркалами, так и затягивал внутрь успешными историями соседей и друзей, но внутри было тесно и грязно, внутри, в городе, и внутри в людях. Город придерживал новичка красивым зубом и просил подождать: «Вот сейчас, вот сейчас тебе повезёт», но ничего не происходило годами. Богатый просился на легенду, но бедный задыхался от испарений, гложух от шумов, спал с огромным клопом на одной кровати. Это было такое расслоение уровней жизни, что Бах не стерпел – ему тоже хотелось легенд, как ему их хотелось! Но его жизненное пространство с каждым днём ужималось всё больше и больше и в конце концов превратилось в какую-то убогую плащ-палатку – вовсе не наряд супермена.

Бах был рад, что уехал. Он не умел вгрызаться в глотки, умел – в идею, но это не помогло: столица переварила его и не поморщилась.

Африка, наоборот, стала его другом. Он прислушивался к её настроениям, глотал её жизненные соки, любил её распахнутых настежь людей. Это была реальность, данная в ощущениях: брызги озарений из океанической воды, плотные нагретые солнцем миражи городов, тонкие проволочные смыслы бытия, перевёрнутые деревья, жареные осьминоги (голубая кровь), сомкнутые в цветы пряные запахи, иступлённые танцы, бисерные чехлы для души, песок, круг, игра и ещё небо. Небо было невероятным тут: огромная выпяченная плоть с миллиардами позвякивающих тишиной отверстий, толстая почти осязаемая глыба мелкого света. Казалось, что всё живое. Звёзды мигали и покачивались, раздавая себя любопытным глазам – огромная гирлянда к бесконечному торжеству жизни.

Работа ему тоже пришлась по душе – дело затянуло по-доброму, за полгода Бах более-менее вошёл в курс и дальше просто наращивал опыт, понимая, что однажды ему предстоит стать единственным хозяином этой трудовой лошади, здоровье которой предполагало безбедную жизнь до старости. Дорогие фигурные свечи, может, и не будут покупать: подарки исчезают как традиция, вектор – выживание, но вот сентавошные палки обесценятся только тогда, когда перестанет существовать темнота, что очень сложно вообразить, ибо темнота – это константа.

Свечи были валютой в некоторых деревнях, свет как деньги, образно: спички, воск, керосин. Многие сельские жители никогда в своей жизни не видели лампочки: чёрная Африка была кромешна, как глухая нора. Ближе к городам росли фонари на домах, а дальше, в мякоти лесов, пламенели у хижин натёртые камнями рыжие костры: плита, обогреватель, ночник. Костров в основном хватало: пламенем лежали на дровах и факелами шли в дома, но внутри помещений свечи использовать было гораздо удобнее.

Простые свечи были очень дешёвы, и их скупали в огромных количествах торгаши из провинций. Это как-то возвышало бизнес, делало его немного полезным. Бах засиживался иногда на работе допоздна, потом замечал сумерки, выглядывал в окно и представлял, как в самых удалённых деревнях сейчас набухают звёзды над головами людей, и кто-то зажигает его свечу, и это радость у них: всё такое светлое, видимое.

В общем, работа была налажена. Жилищный вопрос также решился очень неплохо: по дядиным связям удалось получить приличную двушку на девятом этаже первого корпуса посольства, а вместе с ней у Баха появилась родноязычная бытовая среда, два телеканала на понятном языке и перспективы романтических отношений с розочками-рукодельницами – пышными дочками дипломатов. Впрочем, из всех этих потрясающих даров человеческого общежития он успевал пользоваться только «бытовой средой», поскольку это благо как-то незаметно пожирало все остальные.

Африка казалась идеальным местом для уютной и счастливой жизни. Помимо очевидного визуально-гастрономического комфорта, тут был особый эфир для вызревания души. Человек в этих широтах сначала терялся, потом чистился – от предрассудков, надменности, слепоты, и в итоге находил в себе новую начинку: огонь и луна. Он вырастал из себя, становился как орган природного тела, и тогда в нём открывалась эта нечеловеческая чувствительность, эмоции – из ситуации в упоение. Африка была как особая оболочка, зигота равнодающая внутри планеты, в которой человек жил вечно рождённый, в которой не было времени и суррогата цивилизации, но было естество, была натуральная теплота жизни.

Так Бах подходил к своему посвящению. Иногда ему переставало хватать ушей, глаз, носа, рта и даже лёгкие не слишком справлялись с поставленной задачей: так много свежего воздуха во всём, фантастическая чистота восприятия. Человек открывается-закрывается, человек летит. Человек смотрит на косматую звезду, которая висит над головой, как складочка на чёрном шёлке, осторожная материя. Два шага до состояния сверхнового вещества.

– В ней, и в тебе.

Первые пару лет он жадно поглощал впечатления. Ему хотелось есть, и он пожирал Африку, её плоть, её сочное прожаренное мясо. Ехал за город и останавливался на одной стороне чёткого, словно вырезанного ножницами пейзажа из пальм-рококо и витиеватых линий заката. Это был абсолютный восторг: ночь как макет вечности – небо выпуклое и грандиозное, песни насекомых и живое, почти осязаемое вещество свободы. Он любил ночевать в запахнутых лесами лоджах, отключать все телефоны, все мысли и празднично-одинокое чувствовать.

– Такое состояние – страх от встречи один на один с этим всем, страх и аффекты, но не истерика, а ласковый спокойный экстаз.

– Выдержишь ли ты?

– Я рискну.

Так Бах долго-смакуя вставлял себя в эти воодушевляющие обстоятельства, всё ему казалось таким прекрасно-удивительным в первый раз, во второй раз, в третий: жирафы, перебегающие дорогу, грозы с молнией в полземли, оружие леса миомбо. Потом приелось понемногу, начал уставать от собственных ощущений, сошёлся с соотечественниками, завёл свою бутылку спирита в посольском барном шкафу и вступил в клуб домино.

С этого момента все были уверены, что Бах сдулся, потерял себя, то есть стал нормальным парнем, с которым можно без опаски выкладывать рыбу из костей по вечерам, бурно изгаляться над инженером и вяло спорить на тему экономического кризиса. После того, как он мимикрировал под привиденьевое, его стали приглашать на дни рождения, крестины, приезды-отъезды, он получил допуск в баню, в футбольную команду и даже на курорт выходного дня, который носил приятное собачье название «Шай-Шай».

В какой-то момент это болото начало засасывать его с такой неожиданной скоростью, что Баху срочно понадобилось с кем-то об этом поговорить. Так у него появились друзья. Сначала

они были просто приятели по спириту, но потом стали как бы настоящими друзьями, то есть слушали все его излияния и даже отвечали складно, по смыслу: это доказывало, что они действительно слушали. Первым его другом стал карликовый, но суровый помощник завхоза Гога, который целыми днями исправлял ошибки высокодуховного начальника, создавая атмосферу налаженного быта. Гога не только своим трудом, но и собственным силовым полем держал всё хозяйство в порядке.

Вторым другом Баха стал бывший ликвидатор химической катастрофы Валин, который имел светящийся живот, но вовсе не обозначал этим своё превосходство над окружающими. Когда Валин горячился или пил, живот начинал светиться сильнее, что вызывало восторг у детей и любопытство у мотыльков.

Ещё Бах дорожил знакомством с самым отвязным привиденьевым посольства, которым являлся эксцентричный доктор-хирург Чан, прославленный среди «мирских» отважным поступком, а именно тем, что пришил оторванную ногу моряку-соотечественнику.

– Я приезжаю, а она болтается на волнах. Вылавливали палками, – рассказывал он.

Каждый раз после прибытия свежей партии живчиков, Чан развешивал эти новые уши по барным углам, проглатывал ядрёный напиток, устанавливал на публику стеклянные глаза и в очередной раз переживал свой звёздный час, описывая в подробностях удачное возвращение заблудшей ноги на место.

Доктор Чан был спорным привиденьевым. Работник медицины выцветал только во время долгого воздержания, но так как он был ярым апологетом теории лечебного счастья, в трезвости доктор бывал исключительно в первой половине дня в своём хирургическом кабинете. Всё остальное время было посвящено разогреву внутреннего мира.

Чан был крайне-крайне спорным привиденьевым. Он совершенно не признавал этой серой офисной одежды, которая производила пот подмышками посольских служащих, но носил шорты и охотничий жилет на голое тело. Особого уважения заслуживали его кудрявые седые волосы, вводившие в нестерпимый соблазн знакомых нам по поискам дождя чёрных работяг, которые исходили зудом в мечте заполучить прядь с головы «белого бога», чтобы использовать её в своих магических обрядах.

Бах был почти восхищён Чаном, когда тот протестовал, кутил, вертелся, рассказывал истории, но он совершенно не понимал доктора, когда тот выполнял сомнительные заказы невидимых начальников из старого корпуса.

«Старый корпус» – это была та ещё тайна. Вообще корпусов в мире было несколько. В первом доме жили рабочие, водители, хозяйственники, коменданты и военные. Тут на улице стоял бар, тут же была футбольная площадка и зона для выгула животных (двух собак и одной черепахи-монаха с фосфорным крестом на спине – чтобы машины не наехали). Второй корпус стоял неподалёку. Там жили атташе и советники, заведующие канцелярией, бухгалтеры и сотрудники консульского отдела.

Этот корпус, который старались не упоминать всуе, находился отдельно от всех остальных. Называли его так исключительно по причине того, что построен он был на много лет раньше, чем вообще появилось здесь это посольство. Существовала страшилка о том, что там живут высланные политические преступники, но подтверждений этому пока не нашлось. В старый корпус без особого приглашения не имел право заходить никто из посольских работников, даже в случае пожара, даже если «война или революция и чёрные пришли отбирать еду у дипломатов». Ни при каких обстоятельствах простой мирской человек не имел права пересекать границу дозволенного.

Когда заговаривали шёпотом спиритически на эту тему, Бах всегда начинал ездить по скамейке, нервничал и потел. Дело в том, что некоторое время назад он по какой-то почвенной или беспочвенной случайности стал свидетелем происшествия, которое ему, скорее всего, не собирались показывать нарочно. Ничего особенного, но всё же...

– Я тогда встречался со знакомым в городе, а потом уже полночь, и я быстрее до посольства, но не успел, ворота задраили, и я уснул в машине у задней стены, где дорога. (Ну да, можно водить после спирита, просто заплатишь, если остановят, пара долларов – это регулярный налог на вседозволенность)... В общем, я проснулся часа в четыре, жажда, смотрю, открывается дверь, и оттуда выезжает автобус, а автобусе люди сидят все в белом, и сами белые, как ангелы...

- Какие ангелы?
- Обычные человеческие такие.
- Всем тут ангелы мерещатся.
- Ещё кому-то?
- Ты продолжай.
- Вот... И они выезжают на своём этом автобусе и поехали куда-то.
- И что?
- Они белые, и я их раньше никогда не видел в посольстве.
- Мало ли...
- А вечером этого дня Гога был уже очень странным, как будто с катушек слетел.
- Спирит – действенная штука.
- Это не то, неужели ты не заметил? Гога фальшивый как будто.
- Думаешь, они его выкрали, а оставили кого-то другого?
- Звучит как ахинея. Но что-то всё равно происходит, что-то нечистое.
- А ангелы приезжают, чтобы очищать?
- Очень смешно. Видел бы ты, какие у этих ангелов были лица...
- Да, друг, тебе надо страшилки на ночь рассказывать.
- Опять ты ничего не понял.

Так можно было бесконечно разговаривать с мысленным собеседником, и Бах разговаривал. По-настоящему признаться кому-то в том, что он давно подозревает какой-то чуть ли не вселенского масштаба заговор, в котором их тепличный мир играет совсем не последнюю роль, было бы глупо. Тем более, он даже не понимал, что именно происходит. Ну да, какие-то архаровцы живут иногда на территории посольства, а потом кто-то становится придурковатым. Плюс фантомная эпидемия – люди привиденьевые вместо натуральных. Наверное, эксперименты, наверное, многие под этим подписывались, что согласны, мол, лишь бы платили. Но всё-таки немного странно.

Бах любил разговаривать сам с собой по вечерам между работой и спиритическими сеансами. Вот и сегодня: поехал на набережную, а там сначала живописность и благолепие, а потом монстр вырос – надвигался ураган, из воды шёл злющий экстравертный шторм. Бах обедать не стал заезжать: тошнота ещё ощущалась, ледяной пот и навязчивые состояния, решил не заезжать никуда и сразу же отправился домой, где теперь стоял в своей двушке на девятом этаже; тяжёлый, с лопнувшими сосудами глаз.

Делать ничего не хотелось, к тому же – ураган. Он прошёл на балкон, запалил сигарету и смотрел вниз на выдранную рекламную растяжку, которая болталась на святом духе с одной стороны столба. Обычно в месяцы бурь в них проделывают дыры, чтобы ветер покачивал полотно, не разрушая его, но эту, видимо, забыли изрешетить, и теперь она реяла тоскливым поражением на фонаре.

– И ничего же не могу сделать, – думал он то ли о растяжке, то ли об этой истории со старым корпусом. – Если только...

Мысль забила у него в голове. Бах осторожно отправил её в архив и продолжил рассматривать улицу.

Ветер подчищал помойки, и по всему городу летали нервные бабочки цивилизации – чёрные целлофановые пакеты из супермаркетов. Это была самая очевидная декорация спектакля,

который назывался «Сезон дождей». В это время Африка становилась торжественна и агрессивна. В городах ураганы, наравне с футбольными матчами и гастрольями музыкантов, считались занятным зрелищем, ради которого люди выезжали в замотанные пластиковыми перегородками рестораны, ели и смотрели из тёплого комфорта на натуральные страсти, на эти первобытные танцы деревьев и воды. Грандиозное шоу – для успешных просто развлечение, но в деревнях люди вымирали пачками, и их никто не считал, им никто не сочувствовал, их просто не существовало на свете – со дня рождения до дня смерти они, со своими заботами, радостями и откровениями представляли собой безусловную пустоту. Вся жизнь человека являлась обычным несуществованием.

... Сначала ветер, потом дождь. Дождь, и тяжёлые капли падают в рот чернокожему подростку. Он пьёт без остановки, как будто это личный его кран. И ему совершенно неважно, откуда течёт эта вода, и какая информация в ней заложена. Он просто пьёт, потому что у него жажда. У него жажда и поэтому он пьёт.

Бах вытянул язык и хотел так же пить, но капли косые, всё летят мимо цели. Посмотрел на мальчика – тому прямо в рот летит. Как это? Мальчик кажется свободней, чем те, кто его использует. Но это чушь.

– Зрительный обман.

Упрятали характер в ступку и толкут не от скуки, но потому что инстинкт. Кто-то скажет: обряд, но нет – это инстинкт. Можно быть свободным и не иметь содержимого в желудке, а можно толочь характер в ступке и выживать. Всё по одной схеме, что у тех, что у этих.

Бах свернул язык, собрал рукавом слюну с подбородка и подивился своему сентиментальному пафосу. Потом затопил сигарету в табачной банке от оливок и пошёл в комнату за тёплой курткой. Посмотрел на стену, качнулся из стороны в сторону – тик-так. Тем не менее, пора было спускаться в бар.

* * *

Люди. Внешне всё так же – пожирали друг другу руки в рукопожатиях. За спиной – шипели, давили мнением. Никто никого не любил, и все друг другу осточертели. За металлической батареей забора где-то там за несколько тысяч километров отсюда была их страна с серыми плешивыми днями, с пробками, дураками и высокими ценами в магазинах. Там была их нелепая родина.

– А я не скучаю, – говорил иногда кто-нибудь. – Мне и тут хорошо.

И некоторые стыдливо отводили глаза, потому что видели, что накипело у человека, что он не сдерживается уже.

Отсюда нельзя было сбежать, и здесь нельзя было остаться в себе. Дело оказалось не в закрытом режиме и не в отсутствии воли, дело было не в ошеломляющих ноябрях, когда температура зашкаливала, и не в тошнотворных сезонах сухого солнца, когда день за днём стояла острая и неподвижная жара. Дело было в том, что человек переставал реагировать на внешние раздражители более глубокие, чем те, что предлагались в качестве раздражителей, в итоге царствовала поверхностность, автоматизм сжирал здравый смысл, цели не вызревали. Покой, стабильность, и только лёгкий шум: это звенел эконерв – незамеченный. Ощущения все стерильные, жизнь по правилам.

– Кто это вас так?

– Сам.

Печальная картина, но только внешне и со стороны, внутри в голове люди были троглодитно довольны. Корни выдирали быстро и без боли: рубец на всё тело – толстая кожа. По выходным ещё болтали через компьютер с детьми или соседями, просили показать осень – листья летающие, жёлтые кожистые перепонки. Сначала интересовались снегом, в первый год,

ёлки из бумаги, тоска по снеговикам, но потом как-то оседали, примагничивались к данности, стояли на поверхности и тужились, выдавливая из себя новые корни. Прорастали манговыми деревьями под окном, влипали подошвами в благодатный солнечный клей.

Хотите красоты и драмы? Это не сюда. Тут лишь потливость и ворчание. Мир как шумовой фон. Израсходованный интеллект, насильственно-васильковые фразы. Эволюция как утрата иллюзий. Комфорт убаюкивал человека в природных одеялах, и человек сидел уютно на попе, а вокруг него как колыбельные летали его годы и возможности. И он размахивал рукой, раскачивая эту карусель, и он радовался всему готовому. И то, что ноги так надёжно крепились к земле.

Были и замыкания в схемах. У иных психика шаталась из стороны в сторону – остаточные явления, боль и припадки, это всё выплёскивалось прилюдно, вырывалось из человека оригинальными фразами. И он что-то делал такое, говорил странно.

– Люди пропали, – говорил.

– В каком смысле? Исчезли?

– Испортились.

И кто-то делал ему затычку в рот (булочную), и все сочувственно скидывались, кто чем мог, чтобы восстановить ему вес в обществе.

Вес интересовал руководство чуть меньше, чем контраст, но, конечно, и здесь были правила. Главное было избежать перегибов, чтобы человек не бросался в глаза со всей дури. Если у кого-то был замечен сильный недовес, его осторожно выправляли понятными способами. Для этого использовалось принуждение по хобби и особое распределение ролей в праздничных спектаклях. Так маловесные часто играли крылатые качели – это была звёздная роль, после исполнения которой, получив свою порцию славы, они улетали на небеса, то есть могли без труда внедриться в общий спиритический сеанс. Гораздо худшим явлением считался перевес, если человек вдруг начинал значить для всех больше того, чем то, как его позиционировали. Таких людей срочно отправляли в командировку на необжитый север страны, где они быстро возвращались в нейтральное состояние.

Продолжая тему свечей, люди были как восковые твари, греющиеся прожиганием жизни. Часто перегревались, и это было сравнимо с экзальтацией. Существовал также бытовой вариант веры: от жары в шахте периодически плавилась тросы, и кабина вместе с человеком падала на ловители. Считалось, что переживание этого опыта приравнивается к духовному просветлению.

В остальном огонь был образен: горели внутренние органы. Забава была первична. Некоторые будни ближе к концу недели и почти все праздники проходили в феерии: караоке – «пустой оркестр», кураж и пьяные танцы. Вечерами все ходили охотиться на скуку. Скуку никто не видел, но все хотели её убить. Устраивались чемпионаты по стрельбе мыслями: участники садились друг напротив друга и пили, пили и смотрели глаза в глаза, пока кто-то не падал, оно же – проигрывал. Такая она была мощная – сила спиритической мысли.

После второго акта забытья стеклянная сцена пивнушки манила гирляндовыми огнями, и люди танцевали на леске как куклы или как рыбы.

Лёгкость бытия дополнялась национальными праздниками, которые происходили так часто, что в перерывах между ними сотрудники посольства совершенно не успевали уставать. Вроде бы эти особые дни должны были человека расслабить и успокоить, но все и так были настолько расслаблены, что праздники работали как мясорубка для человечины: получались люди разбитые, подавленные – фарш.

Это всё происходило примерно вот так: на футбольной площадке расставляли ветхие стулья, выращивали на решётках страшные картонные цветы и надрывно орали ностальгические песни в шуршащий микрофон с отпадающим проводом. Дети читали-забывали стихи, старшеклассницы танцевали цыганочку, размахивая раннеспелыми сисями, учителя в бумажных

«ушках» скакали персонажами наркотических сказок. После официальной части все плелись на большой фуршет, где взволнованно, с речами, спиритизировали за родину (иногда за войну, иногда за мир). По старинной традиции героев уносили домой на руках – оно же: чествовали.

На праздниках каждый имел возможность «забавно опозориться»: рухнуть на общий стол, рассказать производственный секрет или припасть к чужой женщине/мужчине. Тут же появлялась питательная среда для возникновения сплетни. Сплетня концентрировалась в пространстве и потом ещё неделю-две работала вкупе с федеральными новостями, плотно заполняя сознание мирского жителя. Это всё было привычными видами развлечений – провоцировать сплетни и разносить слухи, как бактерии.

«За что эти люди получали деньги? Когда они всё же работали?» – встаёт перед читателем резонный вопрос, и тут же появляется не менее резонный ответ. Иногда в свободные от выходных дни привиденьевые и живчики действительно вынуждены были некоторое количество часов корпеть над бумагами, двигателями, порядками – в зависимости от вида деятельности. Впрочем, им не приходилось надолго прерывать свой досуг: к позднему обеду многие уже оказывались свободны и возвращались к своему естественному занятию убийством времени, брали прицел и шли в бар, или же, трогая звенящую печень, оставались дома со своими выстроенными-поперёк-горла родными.

В семьях один был достоин другого. У мужчин личное пространство ограничивалось пузом, дамы были пышные, с повидловой начинкой в голове. Люди жили в одной квартире, имели общее имущество, а любовь как бы подразумевалась. Но день за днём «самые близкие люди», следуя общей политике обращения с человеком, выкорчёвывали друг из друга определяющие качества.

Семьи загнивали тихо, скромненько источали зловония и разлагались чаще всего на алкоголь, истеричку и эмо-детей. Кошки выбрасывались из окна и уходили ко львам в лес, если по пути не бывали съедены голодным прохожим.

Мужчины всё чаще прятались в своём клубе домино. В клуб вступить было не так уж и просто. В высший эшелон могли попасть только спиритически активные люди с опытом настольных игр, обладающие крепкой логикой и здоровой интуицией. Только пройдя такой пристрастный отбор, человек получал право участвовать в грандиозных побоищах чёрными прямоугольниками на большом уличном столе. Иногда корифеи устраивали чемпионаты в термах – попасть на эту битву было настоящей удачей. Термы были безопасны в смысле прослушки, так что тут можно было вдоволь разглагольствовать о предназначении дубль-пустышки, под которой подразумевался злополучный мутант-инженер, не способный справиться с обычным лифтом.

Женщины в домино не играли и в термы не ходили. Иногда в качестве увеселения они расстилали плед на цементной крыше первого корпуса, садились на него, тянули тёплое варенье и обсуждали новые блюда, которые приготовили на неделе. Женщины не говорили о политике, не читали новостей, не третировали неудачников, не падали с пьедесталов и никогда к ним не подходили. Они называли друг друга «курицами» за спиной, нанизывали на насесты образно, но сами общались так: кудах-кудах. Острые языки были бы хороши внутри таких ртов, но нечем было точить – всё время что-то жевали.

Вот так: от стены до стены – доброе тепло, а в нём жил гуттаперч – восковые личности. Тоже сказать, ну и чем плохо? Всё было дано, и каждый просто защищал эти данности.

Так и шло: забавы и море. Сначала веселье, потом – море. Иногда по выходным ездили все вместе смотреть на огромную рыбу. Рыба была невероятных размеров и выплывала в тот самый момент, когда на неё шли смотреть. Кто-то говорил, что это кит, но большинство не были с этим согласны, они считали, что киты не могут подплывать прямо к берегу и не бывают шириной с горизонт. Так что это вряд ли был кит, но какая-то не менее красивая и большая

рыба. Одно было очевидно: рыба любила рассматривать мирских работников не меньше, чем они её.

На курорте с собачьим именем «Шай-Шай» люди останавливались в больших двухэтажных домах со встроенными в пол бассейнами, вмонтированными в стены живыми ящерицами, включённой в цену радостью за сегодняшний день. Отдых происходил по знакомой и понятной схеме. Женщины готовили, мужчины спиритизировали, потом спиритизировали все вместе и к концу третьего дня, когда все более-менее приходили в порядок, люди большой толпой отправлялись смотреть на гигантскую красивую рыбу. Каждый раз они хотели изменить схему: сначала увидеть рыбу, а потом радоваться за сегодняшний день. Но жизнь текла по своим правилам.

* * *

Матрёшки расходились просто отлично. Бах сильно подозревал, что всё дело в универсальном человеческом образе свечей. Он был почти уверен, что эти восковые фигуры используют в магических обрядах жгучими ночами: греют в тёмных лесах под песни ветров и голоса девственниц первой крови, замышляя поход на врага или дьявола, плавают в пропитанных духами смежных пространствах – насылают болезнь или смертное уныние на целые деревни. Этого ничего нельзя было запретить.

Но это было можно увидеть.

– Колдовство.

«Что? Ну перестань, перестань». Навязчивая идея зарождалась постепенно. Он тестировал новую партию товара, и как-то его вдруг озарило, ему приспичило или присвечило исследовать местную индустрию магии, понять её сущность. И теперь он из кожи вон лез, чтобы забронировать какой-нибудь смелый мистический тур в густую темноту африканского бытия.

Вылез из кожи – это раз. Затем расставил мысли-приманки по углам, подключил поле желания – максимальная мощность. «Теперь ведьмаки набегут только так», – задумка в статусе приглашения.

Он никак не боялся этих товарищей, у него было дело к ним – парочка вопросов. Бах всё думал об этих странных происшествиях в посольстве, всё пытался раскусить волшебный орех, в котором скопилась тайна. Почему люди становятся зашоренными и пришибленными после встречи с этими ангелами из автобуса? Что там происходит?

Любопытство. Бах чувствовал себя вляпанным в какой-то общий процесс, сути которого не понимал. Конечно, можно было, как другие, завязать память в узел, оставив блаженство и улыбочки на виду, но у него так не вышло: «Люди же изживаются, уродство, уродство».

И некому ведь рассказать, везде тупик, всюду для всех выгода. Все как бы сами на это идут, их никто на верёвке не тянет в корпорацию человеческого смирения. Умалчивание небольшое присутствует, да, но так, в целом, всё чисто, всё по контракту. Обмен: витальная сила за жилплощадь, образование детей, новые шмоточки; в жизни всё так и есть, просто тянется годами, а тут практически мгновенный обмен. Можно сказать, что они благодетели, эти воры человеческой жизненности. Но кто же они?

Вопросов было много, тупик и раскалённая мыслями голова. Те, что выбросил, сработали из угла: турагент появился в один день – колоритный такой мужичок в броне из цветных амулетов. Бах думал, что это будет какой-то древесный гном – древесный гном и пришёл. Прямо в магазин. Открыл мешок и сваливал туда восковых матрёшек, как дома прибирался.

– Зачем так много? – поинтересовался Бах (улыбался и надеялся не спугнуть).

– Свет, – буркнул покупатель, тряхнув мешком.

– Но лица зачем? Магия? – вспоминал он слова на шангаане.

Посетитель смутился и боком щупал путь к отступлению, но Бах уже так крепко зажал его в ситуации приятной беседы, что гном вынужден был уступить.

– Да, – сказал он и гордо вырос. – Это не против закона.

– Я бы хотел посмотреть, пожалуйста, хотел бы узнать, что будет.

– Нельзя.

– А что можно?

Древесный прищурился и произнёс:

– Можно узнать своё настоящее. Это важнее всего.

– Но настоящее – вот оно, сейчас.

Гном начинал паниковать, оно же – раздражаться.

– И вы знаете, что сейчас происходит?

– Мы стоим с вами в магазине, я беру информацию, вы покупаете свечи. Ещё немного и получите свою скидку.

– Это первый взгляд.

– А что ещё?

– Ну, например, то, что за вашей спиной огонь.

Бах обернулся, потом понял: метафора.

Турагент моргнул глазами, как фотографировал.

– В общем, давайте к делу. Хотите попасть к курандейре?

– Куран... Да! Очень хочу!

– Отдадите свечи так?

– Всё это?! Ну, хорошо.

– Тогда вот.

Гном в амулетах протянул какую-то бумажку, забросил на спину мешок воска и быстро вышел. Бах посмотрел на листок – подробный адрес с ориентирами, удивился, зачем древесный мужик носит с собой готовые маршруты. Может, клиентов не хватает? Бывает и так.

Бах выключил поле желания, собрал разбросанные по углам мысли и продолжил рабочий день. Поездку он решил отложить до лучших времён, сейчас надо было разобраться с делами, очень много было дел, и каждое требовало разбирательства.

На этой неделе у них была презентация новой услуги: лепка восковой скульптуры прямо на глазах покупателей. Восковому мастеру сшили специальный костюм из причинно-следственных связей (тематическая подборка), плюс на голове шляпа, и в весёлых ботинках ноги. Получилось свечное божество общего разряда. На днях раздадут листовки в самых злых местах города и будут ждать человеческого нашествия.

Вечер пятницы свернулся в комочек. Бах со всеми попрощался, закрыл все счета и двери, закрыл рабочую неделю и поехал в доброе своё тепло. Хотелось расслабиться и говорить на родном языке. Хотелось масляной субстанции вместо глаз. Хотелось огня в горле и за спиной. Этот пожар, о котором говорил посетитель сегодня, этот пожар – это прожигание жизни.

Мирской бар уже открылся, но люди ещё не собрались. Только один человек сидел за столом – фигура мягкая, из дешёвого пластика. Бах окликнул: это был помощник завхоза Гога. Ну надо же, что это с ним?

– Привет, дружище.

Он потянул к нему руку, в ответ также поплыла рука. Гога сидел как увалень: бледная китайская копия человека, старая кожаная игрушка, промежуточного вида существо. Голова ездил из стороны в сторону, как будто разыскивала орбиту, но планета была вокруг, а не внутри. Гога сидел беспомощно перед большой кружкой пены и сосредоточенно смотрел на жидкость сверху вниз. Бах осторожно толкнул его в плечо.

– Что случилось?

– А?

Это было не похмелье и не спиритизм у него – человек понимал всё, отвечал кое-как, но разумно. Только вот общий вид – очень сомнительный.

– Ты чего? – повторил Бах, занырявая под блуждающий гогин взгляд.

– Пена узорная.

– Ну да.

Это утверждение сложно было оспорить, как и то, что помощник завхоза сейчас выступал наглядным примером человеческой размазни. Мелкими струйками из него вытекала жизненная сила. Бах дёрнулся и налетел не на озлобление, но на равнодушие – ещё хуже.

– Гога, что там было? Расскажи.

– Не знаю.

– Ты нормальный вообще?

Гога сдул свою пену и стал тихонько вгонять жидкость в желудок, затягивая через щёлку во рту. Заменял растворы в организме.

– Я ничего не помню, – сказал он, когда допил.

– Вообще ничего?

– Ну я вошёл, там белые стены, кошка.

– Ты соберись, Гога. Какая кошка? Окошко?

– Чёрная кошка. И ещё там окошко.

– Ты ходил в старый корпус?

– Нет.

Гога злобно поднял глаза, но потом снова обмяк.

– Я не помню, правда. Сон приснился – страшный, проснулся – тяжело так, как будто что-то вынули из меня, или что-то ко мне добавили, не пойму ничего.

– Тебе пить не надо сегодня. Иди поспи, что ли.

– Да. Но почему они меня взяли?

– Кто тебя взял?

– Не помню, – сказал он сокрушённо, допил то, что было в кружке, встал и пошёл к входу в свой корпус.

Бах почувствовал спинную кость, выпрямился, осмотрел мир. Где-то тут была засада, но не в прямом смысле. Где-то тут была хитрая пропасть, как будто кто-то вскрывал тело времени, вынимал штыри-держатели и устанавливал новые правила. «Кто же это делает?», – Бах взял спирт, сел за стол, закурил. Надо было хорошенько подумать. «Кошка-окошко», – сложил фразу пополам и положил к себе в карман. У человека до сих пор нет органа, который фиксирует реальность.

Система мгновенных мыслей не работала. Надо было повидать одного из героев – человека, сохранившего свой характер. Валин на дежурстве, Чан треснул по дну. Он достал телефон, набрал контакт «Нинель. Мир» и стал ждать девушку, которая ему очень нравилась.

– Ты мне очень нравишься, – так он не сказал, но сказал: «Приходи, пожалуйста, в бар, у меня для тебя полупьяный параноик. Приходи».

* * *

Это становилось понятно не сразу – через месяц-два. Человек сначала присматривался к самому себе, списывал на акклиматизацию, заскоки, игры света-лени. Потом брал общую идею: разрушить нейронные связи и начать всё заново – для этого он пил, смеялся и пил, хватался за голову, аккуратнее – за слова. Это смягчало драматизм ситуации, суть которой была в том, что белый человек в Африке становился счастливым дурачком из серии «блаженны нищие мозгом» (убывание духа при этом также никто не исключал).

Каждому приехавшему в эти серные города рано или поздно приходилось признавать довольно малоизысканную истину: он отупел. Причины этого обстоятельства до конца не были изучены на местах. Наука не давала чётких ответов: одни учёные винили во всём солнечную активность, слабое воздействие творческой динамики космоса на инертный материал земли, другие считали, что всё дело в недостаточно развитом «локальном» информационном поле, которое к тому же нещадно засорялось повседневными мыслями чёрных о выживании. Ещё одни говорили, что эпифиз, отвечающий за ум и ассоциации, работал в этих условиях только три месяца в году, остальное время приходилось на гипофиз (умение делать руками, физические навыки). Но ничего из этого не было выведено в полноценную теорию.

Люди проходили постепенно все стадии разложения. Опьянённые ясностью, они принимали на веру общее описание мира. Устоявшиеся выражения рядами торчали у них во рту. Каждый смирился с тщетностью. И все были потрясающе бесполезны в своей роли разумного человека.

Если у некоторых недостатки произрастали из достоинств, то здесь внутренние поля вообще не давали никаких урожаев. Крепких умом в удачный год в посольстве было человек семь-восемь, остальные в своих рассказах всё время описывали слона, увиденного глазами слона.

Вот так постепенно люди переходили в новое состояние. К середине командировки каждый из них был истинное привиденьевое. Бах называл их так, вспоминая отряд насекомых, представители которого подстраивались под окружающую среду: становились листиками, палочками. Все они жили как в каталепсии, то есть были неподвижны, но при этом имели восковую гибкость: если насекомому придать позу, он в ней и останется. Даже если оторвать ему какую-то часть тела, он не сдвинется с места.

Люди в посольстве были жуки, выцветшие под цвет окружающей среды. Они по-разному выглядели, но одинаково. Вот один из них: квадратная голова и прозрачные шерстяные усы. Будничное канцелярское лицо. Ему бы встроиться, расти, языки осваивать, мир, но он сидел целыми днями у стены, слушая звук сигареты. Или другой вот. Сначала был яркий – подсвечен подвигом, а потом усох, уменьшился до голого эго, которое так часто повреждалось внешними обстоятельствами, что он начал принимать спирт, заглушая болевой шок. В итоге с рефлексией было покончено навсегда, а к середине командировки у него уже был стандартный полуфабрикатный рассудок.

Бах, когда столкнулся с этой проблемой (потери ясности мышления), тоже как-то сразу сильно опешил. Мозг ему требовался на регулярной основе, поэтому при первом обнаружении неполадок он приступил к ремонту. Нанял двух репетиторов: по английскому и шангаан, купил словарей, накачал книг на рабочий стол. Но только как-то сразу не пошло: татарский педагог вгоняла его в сон, а полиглот-уборщик Амади всё время переключался на какие-то внешние раздражители, так что создавалось ощущение, что общаются двое глухих. Бах языки не бросил, но активнее взялся за чтение проверенных поколениями художественных произведений. Правда, и тут была загвоздка: проблемы, затронутые классиками, казались уж очень нелепыми в этих условиях жары и вымирания, и это сильно снижало образовательную функцию литературы.

На почве слабеющего ума Бах познакомился с девушкой Нинель, которая работала на самой младшей должности в канцелярии. Нинель вот как про себя рассказывала: она приехала в Африку сразу после окончания университета и теперь отчаянно пыталась подготовиться к сдаче кандидатских, но тексты по философии давались с таким трудом, что в первое время все силы вкладывались исключительно в то, чтобы справиться с деградацией. Начитавшись про ноосферу, она заказала в городе толстые металлические пластины и расставила их вдоль стен, надеясь заглушить слишком активные электромагнитные излучения. Помимо вторых стен, в

качестве оружия против глупости Нинель использовала большое количество радиоприёмников, которыми, как она думала, создавала собственное информационное поле.

Может, все эти изобретения и не работали, если бы девушка не подкрепляла свои проекты такой мощной протаранивающей здоровый смысл верой, что действительно глупела медленнее всех в посольстве.

– И что, получается их читать? И Борми-Корнштейна? – спросил Бах, когда они встретились в баре.

– Это ещё ничего. На этой неделе даже Фомель-Кюссон, вроде, усвоился.

– Даже Фомель-Кюссон! О, мои поздравления!

Он ласково улыбнулся и тряс её руку, искренне радуясь этим успехам. Нинель нравилась Баху. Она представлялась ему разумной и чуткой. Эти качества редко сочетались в человеке в равных пропорциях, но в ней всё было именно так: отличный ум, подкреплённый чуткостью, без лиризма и аффектации.

Она была высокая, в пушистых волосах, похожа на животное. У неё было плоское, тугое от молодости блестящее лицо, и Баху иногда хотелось взять её голову руками с двух сторон – нежно, как вазу, и со свойственным моменту пафосом отобразить тонкий глухой поцелуй на стенке этого божественного сосуда. Бывали времена, когда Нинель казалась старше, фарфор уходил из ассоциации, а в голове вызревали потные, торопливые мысли о быстром свидании у подсобки под деревом папайи.

Нинель была уверенной и сильной, у неё не было претензий к себе, пожалуй, кроме одной, и то это нельзя было назвать претензией, это была констатация, грустная малоизысканная данность. Итак, единственное, что её мучило – это врождённое бесцелие. Обычно человек придумывал себе большую такую цель, цель, как углубление в себе самом, где он накапливал жизнь. Нинель иногда удручалась, потому что у неё не было никакой великой цели, у неё не было никакого намёка на цель. Она двигалась короткими желаниями, чётко, как крот, рыла новые почвы, всегда оказываясь в нужном месте на поверхности. Но всё же это не было похоже на трогательное путешествие по сферической спирали к некой внутренней точке микрокосмоса, в которой жила её суть.

И поэтому иногда она вот так леденела, истрачивалась. Она показывала Баху разорванную на куски линию жизни на правой руке и смеялась холодно, зло, потому что считала себя недоброй и не хотела заводить цель, о которой не сможет позаботиться.

– Это же как питомец – цель. Это психологический питомец, и у меня его нет. И у меня его не будет.

– Откуда ты знаешь?

– Я не верю в постоянные величины, а цель – именно это. Всё остальное можно уложить в желания, с которыми я неплохо справляюсь.

Бах как-то по-особому выросал, когда они разговаривали. Ему казалось, что он видит те самые потайные слои, которые открываются людям с сильным интеллектом, и он считал её немного божественной, хотя это была обычная девочка, сильная и развитая, но не больше того.

Он видел её, и какие-то сказки вырастали. И ему представлялись раздольные шахматные поля, логические норы подземных зверей, матрица дождевых червей, золотое сечение деревьев – это была цивилизация, знания произрастали из предметов и тут же рождали новые знания, реальность была фантастически научна. И он стремился её познать. Из рта вытекала благодатная слюна – голод на информацию, и он бежал в свою квартиру, чтобы открыть книгу и припасть к тексту, который он читал жадно, питаясь каждым тончайшим смыслом.

Этот голодный интеллектуализм и неудовлетворённая потребность в соотношении себя и своего времени с другими людьми и событиями прошлых и текущих лет спасли его. От регулярного чтения у него в голове скопились культурные консерванты, которые защищали его мозг от загнивания. Это была победа.

* * *

Это была? О нет, нет, посмотри на это получше. Там опять вымирание. – Ну не надоело вам выбирать плохое? – Это способ спастись. – От чего? Эй, отвечайте!

После векового усилия человек всё же научился вымирать. Делал он это качественно, со всей широтой человеческой души. И уже не нужны были ни постановочные войны, ни сопливые эпидемии, ни колебательная активность коры – человек вымирал по наитию. Самые талантливые из вымирающих даже не начинали жить. Не рождаться – это было очень эффективно, и многие смело шли этим путём.

Казалось бы, мир был один, но люди в порядке вещей насчитывали около пяти миров. В пятом, самом удалённом от реальности мире, жили абсолютные чемпионы по вымиранию. Люди тут рождались и исчезали с такой скоростью, что пересчитать их никак не получалось, однако, было популярно бояться, что умирают они недостаточно активно.

Именно в этом пятом мире и сидел сейчас потный измождённый белый человек. Он выложил ноги на обочину и скрёб землю из-под ногтей. Ему не хотелось вымирать, от одной этой идеи его тошнило и коверкало. Даже без идей его коверкало: погода плюс отсутствие минеральных веществ в организме. Поджёг сигарету, но тоже не пошло – прокурил душу, и она тлела там, внутри, источая неприятные запахи.

– Крестовый поход против иррациональных убеждений начался, – так он сказал, и оно услышало, всё окружающее услышало его слова.

Надо было подождать, надо было оправиться, но человек всё же поднялся и медленно потянул себя вперёд, первая нога – шаг, вторая нога. Он шёл с ранами, замазанными колдовским внушением, он шёл по тропинке к машине, а вокруг дети на канистрах ездили, а вокруг постиранные пакеты, а он ни на что не смотрел по-настоящему, а так только констатировал, потому что сложно что-то увидеть человеку, если у него чернила каракатицы вместо зрачков.

Внушение выглядит как чернила каракатицы. Они годами висят в голове компактной тёмной каплей, и растворяется эта капля не раньше, чем на что-то наткнётся. Форма капли отображает контуры хозяина, который её выпустил.

Сейчас он – хозяин капли. Шизогония, озноб, жар, пот, бред и глубокая остановка логики – это его определяющие. Когда-то раньше сам влип, а теперь виноваты были все подряд, хотя это он сам виноват.

Думал хоть что-то рассмотреть – давил на виски, старался. В итоге увидел, что там было повреждено пространство, и чувствовал, что ему в голову лезут различные мысли, он сам их не звал, но они заскакивали туда. Информация валилась из внешнего поля, и все секреты прочитывались интуитивно.

Позже двигался другим телом, смотрел не из себя, носил чужие воспоминания – вспоминал, а там чужое всё, в итоге ничего не помнил. На руку были насажены чемоданы, сидели плотно, как внешняя жизнь выросла, но отделался, оставил чемоданы в лесу среди заросших теней, бросил, ушёл. Только потом понял, что в чемоданах. Бежал обратно, чтобы забрать – не нашёл.

– Я, что ли, дурачком останусь?

И откуда-то смеялось над ним.

Чемоданы – это был багаж его знаний.

Теперь шёл совершенно безупречный – начисто лишённый смысловых координат, полый односоставный тип жизни. Он шёл и тут же внедрялся всеми своими состояниями в крошечную пустоту, и только так видел в ней какие-то очертания, одушевлённые стуски городов и деревень.

Он видел эту силу, которая тут правила: свадьбы по привороту – невеста сидит гулкая, деревянная как колба без жидкости. Футбольный ассистент разбрызгивает голубиную кровь по вражеской раздевалке. На севере страны наводнение, вода по пояс – грязная жижа, всё плавает, дом плавает, лежанка подрагивает на волнах. В итоге женщина родила на дереве. Приплыл журналист: фотография, интервью, приз от редакции. В следующий раз восемь родили на дереве. Расселись по веткам и ждут своей очереди.

– Всякая жизнь умеет себя воспроизводить.

– Но некоторая просто не может остановиться.

Немного отпустило. Бах шёл по деревянному лесу, и растения намекали ему. Он видел, как они связаны между собой – крепче, чем видом. Они общались, делили на всех минеральные вещества из почвы, засыхали в одну сторону. Может быть, имели сексуальную жизнь. Сейчас он поверил бы этому.

Выбрался из леса; наконец, в городе. Двинулся по улицам и чувствовал, как все боялись здороваться друг с другом, говорили: «Через рукопожатие колдуны воруют мужское достоинство». Нельзя было смотреть в глаза, дотрагиваться до людей случайно, даже если автобус, давка – везде жертвы, скажут: «Орган усох и вжался в брюшную полость». Всегда так говорили, а потом могли палками забить. Главное – не смотреть в глаза. Страх у них сильнее реальности. Из страха вырастают ноги и несутся по своим делам.

Дома брошенных детей: заподозрены в колдовстве, избитые жёны – причина: ведьмы. Стоило кому-то отойти от общих правил, сделать что-то странное, выделиться из толпы, быть слишком умным или слишком глупым, его ловили и жгли.

Чернильные мозги – куда они завели; огляделся и понял, что никогда тут не был, и если это воспоминание, то оно идёт не от пережитого впечатления, а просто само от себя. Что же, такое тоже подходит. Он прошёл в ком-то по улице – там горел не человек, но дом. Около дома сокрушался мужчина – рыдал, тушил слезами. Понятно: из зависти подожгли, свои же. Тут стать богатым, значит связаться с тёмными силами – общество не потерпит.

– Ну и дела.

Напитался жертвами, двинулся к центру. Тут сидели на капуланах перед горкой апельсин нов мелкие предприниматели, весь город сидел: купить апельсины мешком, продать по штуке, пожарить кукурузу на решётке – жареная дорожка, сварить яйцо и продавать варёное яйцо.

Сложно было оценить степень искажённости сознания. Восточный тик Нгоронгоро, бумажные пляжи и состояние победителя – всё смешалось внутри. Это какое-то откровение? В воздухе повисла иллюзия ответа, вот-вот выпадет бегущая строка, и тогда надо будет догонять, бежать за строкой, пока не прочитаешь... Если появляется вопрос, то всегда существует обратная связь. И тогда интуиция открывается, и становится немного понятней.

– Вот и теперь.

Всё было так медленно, что он мог в это всматриваться; конечно, не самая здоровая видимость, но намёки почти безболезненны. Он стоял на этом пути и чувствовал, как происходила свёртка оригинала с человеком. Где-то был оригинал его самого, и сейчас его сверяли с носителем информации о человеке.

Он шёл и ощущал этого мима за спиной, какие-то движения – точь-в-точь. Что-то повторяло его, оно было не одно – всё повторяло его. Человек услышал свой голос – он тянул какой-то звук в попытке избавиться от эха. Но двойник усиливался внутри, а потом стали появляться другие двойники. Они выскакивали на него формами растений, погодой, лучом, рельефом земли – он был во всём этом. Это всё был его оригинал, с которым его постоянно сравнивали.

– Что я тут делаю? – подумал человек и наскочил на свою цель.

Она торчала впереди него, как интуитивное зеркало, в ней горело озарение. Человек попробовал присвоить его, но пока ещё не знал, как присваивать озарения, и тогда он решил

начать с ориентира. Вспомнить про ориентир. Вот так, да: узнать секрет, влезть туда – в тонкие миры.

Быстро пролетел по городу и нашёл это: посреди города кипела огромная батарея. Защита со всех сторон: так просто не протиснешься. В голове – «лазейка». Двинулся напрямую, но тут что-то ударило его со всей силы...

И он оказался в ударе. Парил где-то на лугу, как будто только что понял, что он – летающее насекомое. Здесь он и Нинель впервые поцеловались. Стояли на камне, и около них прыгала лягушка: испугались лягушки и стояли на камне. Вернее, только она стояла одна, а он обнимал её шарообразно, как будто испытывал их на общее целое.

– Тебе нравится лето?

– Мне – осень. Я люблю осень, но здесь её нет. Я люблю разноцветные листья, и как они летают. Мне нравится осень.

– А мне нравишься ты.

И на этой простенькой фразе они поцеловались. Сначала было просто приятно, но потом мужчина почувствовал жжение во рту, впиталась последняя капля – что-то тёмное, очень знакомое... Это же чернила! Чернила закончились, и гул начался, заворачивание новой спирали. Он кинул руки на лицо, разорвал глаза – это был теперь единственный способ проснуться. Он разорвал глаза и увидел перед собой курандейру. Она сидела около него в смешных очках и читала газету вслух.

– Вы чего это делаете?!

– Сам видишь. Что ещё за чушь была в твоей голове в конце?

– Как будто это можно контролировать!.. Я видел Нинель.

– Это был обычный сон. Люди любят возвращаться через приятные ситуации.

– Но откуда вы знаете, что она приятная?

– Ты улыбался и причмокивал.

– Да уж, тактичности вам занимать и занимать.

Бах недружелюбно цокнул и попытался сесть, но пока не вышло: тело было мягкотное, неустойчивое. Подложил травяную подушку под руку, посмотрел на газету – местные новости.

– Вы что, читали мне про всех этих колдунов, про женщину на дереве, про усыхание органов и апельсиновые дороги? Я думал, всё по-настоящему... Это же нечестно! Все колдуны так работают?

– Я ничего не знаю про других колдунов, а мои секреты при мне. Ты расскажи лучше, почему ты так быстро вернулся?

– У батареи немного застрял, там такой жар, и сразу все эти двойники полезли. В общем, внутрь войти не удалось. Там какая-то блокада... Возможно, они меня обнаружили и выкинули.

– Это плохо.

– Да я понял уже.

– Надо бы разобраться, как они опознали человеческое вторжение.

– Может, у вас есть что-нибудь почитать по теме проникновения в закрытые структуры?

– Откуда, милый?

– И что нам делать?

– Будем ещё пробовать.

* * *

Так странно, что люди становились очевидцами величайшего чуда, смотрели на него в упор, но ничего не видели. Они сожмуривали лица и болтались внутри квартир как резиновые шары, а вокруг Африка пылала невероятными цветами, квадратными зубами шаманов и тан-

цами под космическим полотном. Африка была невинна как первичная идея мира. Она была прекрасна как неиспорченное предвкушение. Но этого никто не видел. Люди были замурованы в собственных границах, люди были отрешены от чуда.

Они имели перед собой сочные естественные пейзажи, но смотрели только на усохшие города и размалёванные лица покупных танцовщиц. Они выключали горизонт и видели, что с правой стороны у них щедрый океан, вода как одежда для тела, а с другой – жадность и депрессия в людях, которые носят в голове моду на усталость и конец света. У них путались впечатления, и в итоге не было никаких впечатлений.

Они возвращались из путешествий с измождёнными головами, с искусанными руками, больные и старые мученики, они заваливались на свои кровати и откладывали в себе как личинку этот неприятный жизненный опыт.

Потом из него вырастали байки о зловещих насекомых, вырастали бетонные стереотипы о кишачих повсюду инфекциях, рыкающих львах, бездушных туземцах, кушающих каши из человеческих черепов, зубастых растениях, радугах, пропитанных ядом, и прочих опасностях, подстерегающих приезжего на каждом шагу: куда не ступит – везде ядовитая радуга. При этом никто не хотел напрягаться и отклеивать сказку от реальности, так было удобнее – соскребать с поверхности сенсационные описания и разносить их как споры по рыхлым головам.

– Как она тебе? Как тебе Африка? – спрашивали по телефону у кого-то из них.

– Загадочная, – отвечал человек. – Чудо на чуде.

И за несколько лет мнение человека практически не менялось: «Загадочная. Манго растёт на дереве, а ананас сидит в земле. Чистая мистика».

Люди не стремились продираться сквозь отправные эмоции. Их всё устраивало. В лесах сидели пучеглазые чудища, из банок смотрели экзотические плоды без названия, в воздухе плыли песни на незнакомом языке, который был настолько странен, что учить его никто не решался.

Раз в год ездили посмотреть на зверей. Узнавали слона, буйвола, антилопу (все парнокопытные с рогами были одного вида), бегемота, крокодила, льва – пели песню львёнка, пили из бутылки, гонялись за жирафом: «Одно фото, одно фото!». Жирафы застревали долгими ногами в кустах и грустно позировали жующими мордами в круглые стёкла – нигде не скрыться от человеческой назойливости.

Одинаковые фотографии, одинаковые воспоминания, одинаковые потребности. Сцена с жирафом не надоедала и в восьмой раз, и в десятый, такая же судьба была у сцены со слоном. А это: «Слон, слон!» – кричали опять, и все оборачивались и видели, что там слон, не ракета, не знамение, а именно слон, и они все выдыхали вот так: «О боже, слон!» – и смотрели на него, тужились и смотрели, чтобы изо всех сил увидеть слона, и у них глаза были такие большие, как яблоки, потому что в них сидел слон. И всем плевать было и на его возраст, и на ареал обитания, и что слон умирает, когда у него стачиваются зубы.

Это было никому не интересно, как и то, что происходило в местах, находившихся за пределами рекомендованных. Несмотря на то, что помимо заповедника и «Шай-Шая» в округе было множество любопытных объектов, туда никто не ездил, опасаясь новизны ощущений.

– Сонная муха загрызёт, или обвалится гора...

– Мгновенно обвалится?

– Конечно. Мало ли что там. Опасно.

На этом и порешили: чудеса опасные. И все боялись, и никто не разрешал ей показать себя. А ведь она была так полноценна, так хороша, и в ней гнезилось настоящее приключение, такое, через которое человек возвращался к самому себе, в свои естественные начала...

– Но это не получится рассказать иначе, чем через собственный опыт.

– Мы с удовольствием послушаем.

Солнце прорвалось сквозь перистые и разоблачило день. Играла на играле моника. Семнадцать пар трубочек конусообразных, вставленных в уши искушённых слушателей, хватили собой звук, и это был для них лечебный звук – бамбуковые органы для святых. Поры открывались. Море было шершавое, а воздух как картон – плотный и разный. Человек с песней двигался по дороге, в складках платья лежал карманный крик.

Так же орала перепонками ящерица. Прибой, как рваное небо, шипел и вздувался. Тряслась дневная луна в распаренном воздухе.

На большой лепёшке, созданной из широты, долготы и куска травяного мармелада жил мальчик, носивший в себе свет человечества. Мальчик был чёрный-чёрный, лишь ладошками иногда выпускал лучики. «Я чёрный, потому что внутри меня свет».

Так они думали все, гордились собой, забегая вперёд. Старую коричневую куклу оставили выпцетать на солнце – однажды будет белая.

Человек-официант, что-то старое и в рваной кофте, выровнял уровень ручки к блокноту.

– Принеси мне рыб с кардамоном и ледяной коктейль, тот, что у нас пьют на площади свободы. И соль.

– Соль входит в заказ.

– Тогда просто принеси мне рыб. Рыб и коктейль с кардамоном.

– За рыбами в соседнюю притчу тащиться, – сообразил официант и убежал исполнять.

Меняется сюжет, и люди на ходулях, на больших ногах, на ножках, не в шутку боясь высоты, водят хоровод, пытаются выскочить, но не пропасть.

Город-пустышку купили на аукционе, завесили металлическими шорами с колючками, и он стал похож на человеческий заповедник, только от людей там осталось только то, что не перегнило на топливо. Когда бензин начали делать даже из домов. Из кондитерских, из зоопарков и клетчатых одеял делали отменный бензин. На бензин уводили коз и ковры тащили, тарелки и телевизоры, всё гнило, всё становилось бензином. Кончались десерты – начали сдавать машины, катера, железные дороги. Потом снимали с себя всё, расставались с флейтой и сами становились в большую очередь бензинового сыря.

У стены какая-то женщина. Наполовину попа, наполовину характер.

– У всех есть свойства, и у меня есть.

– Спокойной ночи. И спасибо, что вымыла окна.

Поговорил бы с ней, но такое в голове варево. Бормотал, бормотал, какая-то то ли исповедь, то ли беда: «Мы пришли в этот город, и мне показалось, что это большая высохшая лужа. Что раньше все эти люди были рыбами, которых ловили и продавали как сувениры или для смеха. Потом всё высохло и перевернулось. Рыбы стали разговаривать и продавать на террасах деревянных человек с выпуклыми попами. Бороться за место под солнцем было бессмысленно – места было полно. – Но где моё? Я спросил и отправился в свой путь, пошёл туда, куда глаза глядят. Пошёл искать самого себя. По дороге было много предметов – летали грязные камни чуть выше пола, ползали огромные синие жуки, играли карлики в бадминтон большими ракетками. Мячики попадали точно в середину сетки, как по программе. Карлики радовались каждому пойманному мячу, как будто могло быть по-другому. Иногда пролетали маленькие чёрные бабочки с телами, разделёнными на крылья. Небо было покрыто белой ржавчиной, оттуда падали капли. Тяжёлые сильные капли неслись сверху, словно хотели ударить посильней. “Так где же моё?”, – так я спрашивал, но пока сам отвечал, ответа не было».

* * *

Только картинки. Рассвет и закат. Чаше – второе. Если подумать про закат, то лучше поторопиться. Здесь не бывает сумерек. Есть день и есть темнота. Промежуточное состояние невозможно. Потом ночь. Божество-страус бегаёт по домам и стучит в окна людям, которые

должны измениться. Стук в окно, и хочется спрятаться. В чемодане найден плед, хотя сам чемодан утерян. Плед можно красть в самолёте и тайно запихивать под одежду, испытывая стыд.

Три дня конца июля луна жёлтого цвета, висит булкой на сцене. Рядом большая звезда, большая, потому что в ней десять обычных. В шесть двадцать семь они всегда вместе. Выключается свет, и возникает эта пара над городом – звезда и булка, булка и звезда, какая-то из них вечная, а может, и обе.

В ванной много кукарачей по ночам. Эти большие тараканы ползают так медленно. Медленней, чем раздражение доходит до мозга. Поэтому ты никогда не трогаешь их, просто умываешь лицо и выходишь. Тараканов с каждым днём больше, кажется, что они заползают даже в тебя, но внутри никаких шевелений, значит, это не тараканы, но навязчивые идеи.

Потом опять утро. Там, у океана, песок как тесто вымешан, сладкий наощупь. Прозрачное мясо медуз, синие молнии, забракованные Большим, уложены в щупальца аккуратно, так даже в голове не укладывается. Медуза – скользкая копия неба.

В парке взрослая пантера в три прыжка может оказаться на твоём джипе. В любом случае где-то здесь должен быть слон. Вот он, слон: куча серого цвета, еле заметно вибрирующая от движений нижней челюсти. Слон грустный и всё время срёт. Это его второе имя.

Некоторые говорят, что если укусит жёлтая муха, человек скорчится, высохнет и пойдёт трещинами по всему телу. Люди-деревья. Официант наклоняется, и ты чувствуешь по колебаниям воздуха, как из его рта появляются слова постепенно, он выплёвывает их как виноградные косточки. Пальцы его тёмные, морщинистые, как у всех чёрных, изнутри – молодой арбуз. Говорит что-то, улыбается, проникновенно теребит рукав, а на его руке – красные трещины.

Да и ты сам, как всегда, не в лучшем виде. Голова как на шарнирах, носится из стороны в сторону. Мысль покидает тебя, кипячёная оболочка напоминает о детстве. Можно долго лежать в тенике и слушать, как трутся шины об асфальт. Там, сбоку, живут забавные люди. Работают, моют машины, продают метёлки разных цветов. Ходят с ними по улицам, высматривают покупателей – полных тётушек в засаленных фартуках. Под деревом за углом сидит человек с домашним телефоном. Можно отдать монетку и позвонить домой. Но где твой дом?

Долго бежать по ночному городу, плакать до боли вверх, цеплять глазами куски сырья, фрагменты материалов, гуляющих, бродящих, перерабатывать реальность в собственное топливо, конкурировать с этими на уровне самого себя, ничего не разрушая вокруг. Только они не поймут пока, они будут преследовать тебя своими устрашающими легендами о синих карликах, которые играли камнями в бадминтон.

– А я не боюсь вас, не боюсь!

Он уже на подходе – твой момент. Тот самый, ты за ним приехал. *Жёлтая муха, смотри, как я вкусно бегу, смотри, какие белые руки мелькают в темноте. Давай, мне нужны эти страдания, я хочу наполниться. Слышишь? Я могу наполниться и больше никогда, никогда не бояться их...*

Чем отличается фермерская креветка от дикой, глубоководной? Всем. Во-первых, фермерская растёт в пруду, до семисот штук на гектар, там она ест сама себя, болеет и портится. В рот ей закидывают усилители роста, и за три месяца нервный малёк вырастает во взрослую особь, хотя обычно на это требуется около двух лет. Люди поглощают ускоренную реальность.

Но здесь время такое плавное. Подожди: всё само собой решится, не надо переживать. Всё будет как всегда. Лето начнётся в октябре. Плюс сорок четыре и счастливые мороженщики. Жара. И снова захочется не иметь лёгких. Дышать, но про себя, чтобы ничего не отвлекало от неподвижности. Ты же слушаешь. Бамбуковые флейты – тонкий, едва ощутимый звон. Это и есть Африка. Ты проходишь отбор и, если не слишком грязный, то тоже однажды научишься звенеть. Ты будешь звенеть чисто и громко, как ты всегда мечтал. И рядом с тобой будут шевелиться другие звоны, и ты будешь рад, что столько музыки родилось. Ты будешь счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.